

— Конечно, помню, — Хан Сяоши поднял палец, — вчера ведь ходил...

— Я говорю каждый день!

Хан Сяоши открыл рот, чтобы возразить, но вдруг его палец дрогнул.

Крошечный разряд тока проник из пустоты, пробежал по его мизинцу, проник в каналы ци, парализуя нервы и распространяясь вглубь тела. Боль заставила его вздрогнуть.

Это не было физической болью — это было наказание высших законов, направленное прямо на душу.

Так Система предупреждала его за чрезмерное отклонение от характера персонажа.

Не оставалось выбора. Хан Сяоши сжал мизинец в рукаве, выдавив натянутую улыбку, и сухо произнес:

— Хорошо, отец, я сейчас пойду.

Услышав это, мужчина средних лет наконец отпустил его, слегка удовлетворенно кивнув.

— Поторопись, — он похлопал Хан Сяоши по плечу, — сегодня гости, так что соберись.

Идя к тренировочной площадке, Хан Сяоши продолжал возмущаться.

— Учитель 025, вы же свидетель, вчера отец сказал: «Завтра в час Зайца иди на тренировочную площадку». Разве он говорил про послезавтра? Или про позапрошлый день?

— Ты прав.

025 сделал паузу, затем продолжил:

— Но общая черта всех Лун Аотяней — это готовность терпеть боль и трудности. Они проводят больше времени на тренировках, чем в ухаживаниях за девушками. Они практикуют до тех пор, пока их тело не разрушится, кости не сломаются, а душа не разделится. Тебе нужно к ним приблизиться.

— И как мне это сделать?

Ветка персикового дерева, качаясь, протянулась к середине дороги, словно пытаясь привлечь внимание прохожих, но Хан Сяоши не было дела до этого.

Он отмахнулся от ветки, мысленно взывая:

— В книгах всё так легко описано. «Его каналы ци скрутились, как камень», «Эта боль будто разрывала и собирала его тело сотни раз», «Молнии пронзали его душу»... Авторам стоит самим испытать удар током по душе!

— Кхм-кхм.

025 слегка кашлянул, пытаясь успокоить:

— Сяоши, правила и критерии Системы установлены Главным штабом, и я не могу их изменить. Я могу только давать советы — если не хочешь снова испытывать боль, хотя бы сделай видимость усилий.

Наступив на упавший цветок, Хан Сяоши уныло опустил голову.

— Фу.

Быть Лун Аотянем оказалось слишком скучно.

Нести тяжелые оковы, танцевать в кандалах, но не получать ни малейшей выгоды.

Включая гостей, которых его отец упомянул...

Если он не ошибается, по сюжету, это должны быть глава семьи Мэн и его сын, Мэн Цинхэ.

Семья Мэн и семья Хан разделены лишь ручьем, обе известны в городе Хуау как семьи практикующих. В этом тихом городке, где главы семей любят хвастаться, каждая их встреча заканчивается ссорой.

В оригинальной книге глава семьи Мэн пришел, чтобы похвастаться, что его сын получил место для тестирования в Секте Звездной Реки, лучшей школе на Южном континенте.

Он расхваливал сына до небес, и Хан Тянь, естественно, вызвал Хан Сяоши, чтобы тот сразился с Мэн Цинхэ.

— Скучная борьба, пустая трата ресурсов.

Хан Сяоши скривил губы, перечисляя:

— Мэн Цинхэ уже на пике восьмого ранга, а я только что вошел в восьмой. По логике, я должен быть жестоко избит, потерять лицо, а потом начать усердно практиковаться, чтобы в будущем отомстить?

— Сяоши, ты забыл, что это роман без страданий главного героя.

— И?

— Поэтому не нужно ждать будущего, ты можешь прямо сейчас унижить Мэн Цинхэ, превзойти его — сюжет только начинается, впервые наслаждайся привилегиями роли Лун Аотяня, разве не здорово?

Солнечный свет мягко ложился на его лицо, как чашка горячего чая, а ветер приносил свежий аромат.

Наслаждаясь весенним теплом, Хан Сяоши лениво вздохнул.

Непобедимый главный герой, непобедимый мир.

Как же одиноко.

В тот же момент он тихо открыл дверь на тренировочную площадку.

— Скрип...

Деревянная дверь медленно открылась, и внутри мужчина в зеленом костюме обернулся, показав профиль.

Солнечный свет озарил его собранные волосы, прямой нос, окутав лицо мягким золотым свечением.

Поэтично говоря, его лицо было словно высечено из камня, брови — словно вырублены топором, глаза глубокие, полные мужества.

Проще говоря, он был настолько красив, что ноги подкашивались.

025 мысленно воскликнул:

«Вау».

Как и ожидалось, его носитель Хан Сяоши уже потерял самообладание, нервно опершись на дверь и дергая скрипучую деревянную створку.

— Учитель 025!

Хан Сяоши правой рукой прикрыл покрасневшую щеку, но глаза сияли, будто готовы были заплакать.

— Я... я не хочу его побеждать, я хочу, чтобы он прижал меня к полу и терся обо меня!

— Сяоши, я понимаю тебя, но ты забыл про удар током по душе?

За пределами тренировочной площадки Хан Сяоши был весь в краске, нервно поглаживая красную краску на двери, его напряжение было очевидным.

— Учитель 025, не волнуйся, я знаю.

Он сжал пальцы, сердце бешено колотилось, и в голове он продолжал:

— Я не позволю ему узнать мои истинные намерения. Я покорю его своей личностью, очарую своим обаянием, своей прекрасной внешностью и бурлящими гормонами, заманив его в пучину разврата...

— Хватит, — 025 прервал его, — иди, удачи тебе в пучине.

Легко хлопнув себя по щекам, чтобы успокоить бурлящую кровь, Хан Сяоши уверенно шагнул на тренировочную площадку.

С первым шагом его аура резко изменилась.

Услышав шаги, Мэн Цинхэ резко обернулся.

За ним шел молодой человек в белом одеянии, черные волосы как эбеновое дерево, узкие глаза с толикой остроты, четыре доли изящества, а остальное превратилось в звездный свет, сверкающий в глубоких черных зрачках.

Солнечный свет сзади озарил его, словно вспышка золотого пламени, окружив весь его образ сияющим ореолом, ярким как солнце и луна.

Мэн Цинхэ на мгновение застыл.

Судя по описанию отца, он ожидал, что Хан Сяоши будет бездельником, но теперь понял, что слова отца о семье Хан нельзя воспринимать всерьез.

С детства он обладал острыми чувствами, мог видеть то, что другие не замечали, и только что, когда Хан Сяоши шел, ему показалось, что он видит пламя, или даже солнце...

Молодой человек инстинктивно сжал рукоять меча.

Этот человек обладал необычайной аурой, он был серьезным противником.

Мэн Цинхэ не знал, что в этот момент его «противник» был в смятении, мысленно крича:

— Учитель 025, он смотрит на меня, всё ещё смотрит, боже, его взгляд такой горячий, он очарован моей красотой?

— Как ты интерпретируешь настороженный взгляд как горячий... Скорее он увидел в тебе соперника.

— Он хочет прижать меня к полу и тереться обо меня?

Хан Сяоши загорелся, потирая пальцы, сомневаясь:

— Может, я... поддамся, чтобы угодить ему?

025 молчал мгновение, затем показал Хан Сяоши изображение.

На юго-востоке тренировочной площадки за столом сидели два мужчины с длинными бородами.

Один из них, в коричневом одеянии, был отцом Хан Сяоши, который сидел с прямой спиной, нахмурив брови, не отрывая глаз от места, где стоял Хан Сяоши.

Белый нефритовый кубок в его руке был сжат так сильно, что на боках остались глубокие следы от пальцев, а вода в чашке колебалась, создавая мелкие волны.

<http://bllate.org/book/15111/1334752>